

УДК 341.1/8

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.02

Непризнанные и частично признанные образования сквозь призму понятия «государство» в международном праве

Олег Романович КОНДРАШОВ

аспирант Аспирантской школы по праву

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000

E-mail: okpm@mail.ru

ORCID: 0009-0001-2212-8019

ЦИТИРОВАНИЕ: Кондрашов О.Р. Непризнанные и частично признанные образования сквозь призму понятия «государство» в международном праве // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 4. С. 25–36.

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.02

Статья поступила в редакцию 03.06.2024.

Исправленный текст представлен 17.04.2025.

АННОТАЦИЯ. Так называемые непризнанные и частично признанные государства сохраняют свой статус «серой зоны» международного права. С учетом современных тенденций в данной отрасли права, а также объективной реальности, проявляющейся в росте числа международных связей с такими образованиями, международное право всё еще не способно полностью осмыслить и объяснить это явление. Данное отставание характеризуется наличием широкого спектра отношений, четко не регулируемых международным правом, включая двустороннюю и многостороннюю кооперацию различных форм, в том числе договорную. В статье рассматриваются определяющие особенности периферийного существования таких образований в международной системе – сложности в экономической сфере с точки зрения этики и прав человека,

совмещенные с высокой политической чувствительностью вопроса. Автор отмечает возникающие противоречия с позиции общепризнанных критериев государства, а именно с позиции понятия эффективности территориальной власти как центральной и отличительной характеристики государства в концепции, обобщенной Дж. Кроуфордом. Делается вывод о перспективности изучения данного феномена юристами-международниками, выработки юридически определенных подходов и критериев, которые также относились бы с должным вниманием к соблюдению баланса основополагающих международно-правовых принципов и ценностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: непризнанные государства, частично признанные государства, международная правосубъектность, критерии госу-

дарственности, признание, эффективность, суверенитет, международная интеграция.

На протяжении своего развития международное право сталкивалось с многообразием всевозможных территориальных сообществ разного уровня независимости и развития публичной власти, которые тем не менее участвовали в международном общении [Crawford, 2007, р. 257–281; Starke, 1972, р. 122–138]. Хотя состоявшиеся державы не всегда признавали таких акторов равными себе, с ними приходилось считаться в силу разнообразных политических и экономических причин. Этот конфликт в дальнейшем обусловил особое положение в международном праве образований, которые претендуют на государственность, но тем не менее не находят признания, достаточного для полноценного и уверенного функционирования на международной арене¹.

Среди современных (на 2021 год) примеров таких оспариваемых территориальных образований часто называют республики Абхазия и Южная Осетия, Косово, Сомалиленд, Приднестровскую Молдавскую Республику, Китайскую Республику (Тайвань), Турецкую Республику Северного Кипра (далее – ТРСК), Сахарскую Арабскую Демократическую Республику. На 2020 г. Д. Заяц выделяет по меньшей мере 13 непризнанных государств [Заяц, 2020, с. 56], Н. Касперсен и Г. Стэнсфилд (на 2011 г.) – 21 непризнанное и частично признанное образование [Unrecognized..., 2011, р. 4]. Эти образования объединяют некоторые общие свойства. Во-первых, они претендуют на обособленное политическое существование, что подкрепляют определенными дости-

жениями на поприще государственного строительства (и тем самым соответствием устоявшимся международно-правовым критериям государства, которые будут рассмотрены в данной статье). Во-вторых, как отмечают основные исследователи, значительная часть сообщества государств не признает такие образования субъектами международного права, хотя часто находят побочные возможности для взаимодействия с ними [Pegg, 2019; Geldenhuys, 2009]. Так называемые непризнанные государства не признаются международным сообществом либо признаются минимальным количеством государств (как указывает В. Толстых, менее десяти государств – членов ООН); частично признанные государства же демонстрируют большее количество признаний (исключая материнское государство), что иные государства тем не менее могут счесть недостаточным для вступления в круг субъектов международного права [Толстых, 2020, с. 139]. Разумеется, такое разделение представляет собой существенное обобщение: в реальности каждая упомянутая полития обладает уникальным набором характеристик и политико-правовых обстоятельств формирования; тем не менее такая дифференциация является необходимым условием их систематизированного исследования.

В течение последних десятилетий нарастала тенденция к расширению участия в международном праве различных негосударственных субъектов: индивидов, международных организаций; развивается и диалог о постепенном признании определенных «прав участия» за различными негосударственными коллективами (НПО, корпорациями, вооруженными группами) [Ryngaert, 2016, р. 183–195]. Хотя не-

¹ Изложенные в этой статье суждения выражают исключительно результаты собственного анализа автора и ни в коей мере не отражают позицию какого-либо другого лица или организации.

признанные и частично признанные государства во многих аспектах неотличимы от признанных государств, их опасное положение на стыке конфликтующих международных принципов и ценностей обеспечивает решающее политическое противодействие их формальной интеграции в международное сообщество со стороны участников последнего. В то же время это означает неурегулированность целого ряда фактически существующих правоотношений, которые, как будет указано далее, имеют место даже с государствами, формально отказывающимися в признании тем или иным подобным образованиям.

Данная статья призвана суммировать предпосылки и основные следствия указанной ситуации и объективно оценить аргументы, приводимые в пользу исключения непризнанных и частично признанных территориальных образований из международного права и международных отношений сквозь призму общепринятых характеристик государства. Это также подразумевает оценку перспективности данного направления исследования для юристов-международников.

Методологически такой анализ требует оценки не только сопряженных международно-правовых концепций, но и иных политических, экономических и других факторов, определяющих особенности их существования, которые рассматривают специалисты-политологи. В частности, такие факторы, как практические последствия непризнания, возможность непризнанных и частично признанных образований вступать в двусторонние и многосторонние отношения с государствами, являются существенными не только для политологии, но и в международно-правовом контексте. Таким образом, в целях достижения исследовательской полноты и объективности, а также ис-

ходя из текущего (весьма ограниченного) статуса рассмотрения проблемы в международно-правовой доктрине, в данной работе будет использован междисциплинарный подход. Тем не менее в своем исследовании автор руководствуется понятийным аппаратом, выработанным в международно-правовой науке, включая понимание терминов «государство», «непризнанное государство», «частично признанное государство», характерное для данной конкретной дисциплины.

Наконец отметим, что за границы данного анализа выходят различные повстанческие движения, а также самопровозглашенные территориальные образования, не демонстрирующие достаточно высокий уровень самостоятельности, организации административно-политического устройства, территориального контроля, вследствие чего упоминаются лишь изредка либо вовсе не затрагиваются в данном контексте в работах по международному праву (например, Ва, Шан, Амбазония, Западный Тоголенд и др.). Также выходит за пределы данного анализа юридическая оценка правомерности сепарации в контексте права на самоопределение народов.

Значимость и изученность феномена непризнанных и частично признанных образований в плоскости международного права

Возникновение непризнанных и частично признанных государств исторически связывалось с возникновением кровопролитного конфликта в пределах признанного «материнского» государства (например, гражданской войны), что приводило к «выходу» из границ последнего тех или иных территорий или провинций [Caspersen, 2012, p. 2] либо, напротив, к прерыва-

нию процесса «вхождения» субъекта в такие границы (в случае, например, Республики Сомалиленд) [Pegg, 2019]. Такие неоднозначные обстоятельства формирования непризнанных и частично признанных государств обуславливают фундаментальный спор о том, может ли территориальный субъект называться государством, если тем самым он идет наперекор ключевой ценности «вестфальской системы» – беспрекословной и исключительной власти государства над его территорией.

Данный спор, в свою очередь, ставит юристов перед необходимостью преодоления ряда сложных международно-правовых пробелов. Как должно международное право отвечать на ситуации, являющиеся результатом столкновения фундаментальных международно-правовых ценностей: суверенитета, территориальной целостности, права на самоопределение и прав человека? Допустимо ли с международно-правовой точки зрения признание таких субъектов и каковы его правовые последствия? Это лишь часть вопросов, на которые юристам еще предстоит дать ответ. На данный момент исследование указанных проблем в международно-правовой науке носит в основном фрагментарный характер. В международном праве и международных отношениях доселе не удалось прийти даже к устоявшемуся определению соответствующих территориальных образований, обстоятельств складывания и жизни которых весьма разнообразны. Наиболее комплексные работы, посвященные указанной тематике, принадлежат пока специалистам в сфере политологии и международных отношений [Pegg, 2019; Unrecognized..., 2011; Geldenhuys, 2009], а не международного права – работы ученых-юристов пока не отличаются системностью и в основном

рассматривают наиболее общие (например, вопрос правового значения признания) либо отдельные прикладные аспекты (например, местную законодательческую практику, конкретные соглашения с такими образованиями). При этом пренебрегать политологическими работами юристам не следует, так как они часто изобилуют необходимым для объективного анализа историческим и социально-политическим контекстом.

Тем не менее политическое существование таких субъектов имеет свое международно-правовое измерение, требующее пристального исследования. Во-первых, как отмечал Дж. Кроуфорд, пребывание обширных территорий вне международно-правового поля влечет серьезнейшие гуманитарные последствия для населяющих их людей, что не может полностью игнорироваться современным международным правом, в значительной мере ориентированным на защиту прав человека [Crawford, 2007, p. 27]. Во-вторых, противоположный подход не отвечает объективной действительности, так как признанные государства не только не относятся к непризнанным и частично признанным государствам как к совершенно исключенным из международного права, но и нередко поддерживают с ними взаимоотношения, функционально неотличимые от межгосударственных. Например, широко практикуется формирование государствами на своей территории неофициальных представительств таких образований, через которые осуществляются по сути дипломатические и консульские функции, а также заключаются соглашения, рассматриваемые сторонами как обязательные для соблюдения [Caspersen, 2012, p. 143; Pegg, 1998, p. 6–7, 9–10; Geldenhuys, 2009, p. 212; Меден, 2017, p. 223–224].

Положение непризнанных образований в современном международном пространстве

Контекст и последствия исключения из международно-правового сообщества непризнанных и частично признанных государств нечасто обсуждаются в литературе. Тем не менее далее будет рассмотрен именно этот аспект, ведь он представляет ключевым для объективного представления о феномене таких субъектов и проблеме их международно-правового положения.

Современные непризнанные и частично признанные государства зачастую представляют собой результат политического отделения («сецессии») региона компактного проживания определенной этничности, что обычно связано с кризисом государственной власти в материнском государстве или с его распадом [Проблемы..., 2018, с. 37]. Само продолжающееся существование таких образований воспринимается как угроза суверенитету и территориальной целостности как ключевым ценностям государств и основополагающим принципам международного права [Cassese, 2005, р. 46–68; Caspersen, 2012, р. 6; Исполинов, 2023, с. 74]. Получается, что установление с этими образованиями договорных и дипломатических отношений граничит с признанием их как состоявшихся международно-правовых субъектов, что может повлечь непредсказуемые и потенциально опасные политические и правовые последствия. Это в основном и препятствует существенной интеграции непризнанных и частично признанных государств в международные процессы. В лучшем случае они могут рассчитывать на некое ограниченное участие в них, в худшем – подвергаться существенной международной изоляции, политическому ostracismу

и санкционному давлению [Pegg, 1998, р. 4–8]. Так или иначе, их положение связано с жесткими ограничениями в ключевых для существования и развития государства сферах [Pegg, 1998, р. 4–8; Riegl, 2014, р. 29].

Наиболее очевидны издержки в сфере экономики. Отрыв от процессов международной торговой интеграции ограничивает способность таких образований к самостоятельному экономическому развитию. Отсутствие у них четкого правового статуса отталкивает иностранных инвесторов, транснациональный бизнес и традиционные источники внешней помощи в лице межправительственных и негосударственных организаций [Pegg, 1998, р. 3, 5–6]. В таких условиях непризнанные образования обычно вынуждены искать альтернативные источники финансирования, среди которых исследователями отмечаются государство-покровитель, теневая экономика, диаспоры за рубежом и др. [Pegg, 1998, р. 5; Caspersen, 2012, р. 53–54; Riegl, 2014, р. 29–30]. Особую значимость имеют издержки, связанные с санкционным давлением, а также исключением из важных международных и негосударственных организаций [Pegg, 1998, р. 4–5; Riegl, 2014, р. 29–30]. Такое уязвимое положение заставляет непризнанные и частично признанные государства экономить на финансировании публичной инфраструктуры, сферы общественных услуг, мероприятиях по охране окружающей среды и других менее приоритетных, но социально значимых сфер и является особо ощутимым в условиях необходимости преодоления последствий войн и минимального обеспечения внешнего контура безопасности [Pegg, 1998, р. 4–5; Riegl, 2014, р. 29–30].

Кроме того, население таких субъектов в силу внешнего давления оказывается существенно ограничено в реализации своих прав. Это вклю-

чает, например, возможность путешествовать, представлять свою родину на международном уровне (в образовательной, научной, спортивной и других сферах), защищать себя в зарубежных и международных судах [Riegl, 2014, p. 29; Проблемы..., 2018, с. 51].

Затрудненность взаимодействия с государствами, международными и неправительственными организациями также влечет исключение из международной кооперации в таких сферах, как охрана правопорядка и налогообложение. Это связывают с определенными рисками для международной безопасности: в частности, формируется благоприятная почва для развития офшорных зон и черных рынков, что является привлекательным для представителей организованной преступности [Pegg, 1998, p. 3, 5–6]. Критики характеризуют такие образования как «правовые черные дыры», несущие угрозу для международной стабильности [Pegg, 1998, p. 3, 5–6; Harvey, Stansfield, 2011, p. 15; Caspersen, 2012, p. 145–146]. В то же время нельзя не отметить цикличность такой логики. Кроме того, популярная критика зачастую игнорирует существенные и неоднозначные историко-политические обстоятельства, которые могут обуславливать возникновение таких образований, например репрессивную политику в отношении этнических и национальных групп и меньшинств со стороны материнского государства. Наконец, несмотря на описанные проблемы, многие непризнанные и частично признанные государства не просто не погибают, но оказываются способны возродить на своей территории основы власти и правопорядка, реанимировать экономику и даже опосредованно, а местами и напрямую участвовать в международных отношениях [Pegg, 1998, p. 4; Проблемы..., 2018]. Как видно из приведенных источников, несмотря

на всю политическую чувствительность вопроса, указанные проблемы признаются специалистами разных стран.

Непризнанные образования и международно-правовые критерии государства

На первый взгляд может показаться, что в вопросах признания государства ведут себя произвольно, исходя исключительно из собственных политических интересов (так называемой *Realpolitik*). Отрицать это сложно; тем не менее следует констатировать, что государства обычно стремятся обосновать признание (или воздержание от него), опираясь на существующие правовые принципы и практику [Starke, 1972, p. 142–144]. Соответственно, необходимо оценить некоторые области критики непризнанных и частично признанных образований с позиции их противоречия устоявшимся в международном праве критериям государства.

Наиболее известен перечень признаков, представленный в статье 1 Межамериканской конвенции о правах и обязанностях государств 1933 г. (известной как Конвенция Монтевидео): постоянное население, определенная территория, собственное правительство и способность к вступлению в отношения с другими государствами. Хотя данный набор характеристик уже является общепризнанным, его теоретическая проработанность остается предметом споров. Наиболее глубокая работа по формулированию и развитию международно-правового концепта государства принадлежит перу Дж. Кроуфорда, судьи Международного суда с 2015 по 2021 г. «Дистиллируя» существующие концепции и сравнивая их с объективной политической реальностью, Дж. Кроуфорд сводит феномен

государства к центральному представлению об эффективной территориальной реализации публичной власти [Crawford, 2007]. Применение его подхода к проблематике непризнанных и частично признанных государств позволяет обнажить существенные противоречия сложившейся международной практики.

Начнем с того, что в своей основе статус государства предполагает *эффективную и исключительную территориальную власть* [Crawford, 2007, р. 37–95]. Если этот критерий обособывает особое положение существующих государств в международной системе, то исключение из нее других образований должно демонстрировать некоторые дефекты в данном отношении. Реальная же практика его применения неоднозначна.

Политологи пробовали выработать для данных целей некий объективный стандарт эффективного территориального контроля. Н. Касперсен, например, признает статус *de facto* независимости лишь за образованиями, контролирующими не менее 2/3 своей декларируемой территории, включая ее столицу и ключевые регионы, и существующими не менее двух лет [Caspersen, 2012, р. 8, 11]. Тем не менее всё указывает на то, что для международного права совершенно безразлично, какой объем территории и в течение какого времени контролирует та или иная власть, как и факт оспаривания принадлежности данной территории извне [Crawford, 2007, р. 46–52]. Достаточно вспомнить, что известны и совсем «карликовые» государства, площади которых несравнимы не то что с известными непризнанными и частично признанными государствами, но даже многими крупными городами.

Более весомый из озвучиваемых доводов исходит из возможности нарушения ключевых принципов меж-

дународного права (в первую очередь территориальной целостности) и/или запретов, диктуемых нормами *jus cogens* (например, грубые нарушения прав человека, пытки и т.д.) в процессе формирования образования, что должно влечь его неправомерность [The Fundamental Rules..., 2006, р. 99–125; Unrecognized..., 2011, р. 53–54] и потенциальное обязательство государств не признавать результаты данной ситуации. Безусловно, руководствуясь ценностью стабильности и целостности международного порядка, международное право отдает предпочтение реализации права на самоопределение в пределах существующего государства («внутреннее самоопределение»). В то же время ряд авторов указывает на необходимость учитывать и обстоятельства, когда само отделение субъекта является попыткой защиты своих прав в условиях репрессивной и международно-неправомерной политики материнского государства и когда иные методы урегулирования конфликта оказываются исчерпаны [Unrecognized..., 2011, р. 17–18]. Этот взгляд нашел выражение в концепции «защитной сецессии» (*remedial secession*), допускающей такое вынужденное отделение [Crawford, 2007, р. 119; Исполинов, 2023, с. 72–94]. Государства предпочитают воздерживаться от однозначного принятия и тем более детализации данной концепции; тем не менее ее логика позволяет прощупать существенные недостатки и ограничения современной международно-правовой парадигмы.

Неоднозначен также опыт применения критерия *эффективной публичной власти* (так называемый внутренний суверенитет). Например, Дж. Кроуфорд отмечал, что на момент провозглашения независимости Республику Конго едва ли можно было назвать «эффективно управляемой»: процесс ее отделения был стремительным и сопровождался деятельностью множества

сепаратистских движений, межэтническими конфликтами, разделением правительства на два соперничающих лагеря и внешним вмешательством. Тем не менее это не помешало Республике Конго получить широкое признание и войти в состав ООН (так называемое преждевременное признание) [Crawford, 2007, p. 56–58]. При этом в литературе нередко указывают на то, что сам факт продолжительного существования и развития в столь сложных условиях одних непризнанных и частично признанных государств, тогда как другие (Биафра, Республика Сербская Краина и др.) прекратили обособленное политическое существование, сам по себе может указывать на успехи в сфере строительства дееспособной и стабильной публичной власти [Unrecognized..., 2011, p. 6].

Наибольшие споры возникают вокруг критерия *независимости* (так называемого внешнего суверенитета), требующего, чтобы субъект не просто осуществлял на территории эффективную публичную власть, но делал это единолично, не подчиняясь в этом какой-либо внешней юрисдикции [Crawford, 2007, p. 65–89]. Исторически международная правосубъектность однозначно исключалась в случаях, когда речь шла о номинально суверенном образовании, созданном и фактически управляемом иностранным государством военным путем, в условиях оккупации. Так, первым примером так называемого коллективного непризнания стало Маньчжоу-Го, марионеточное государство, созданное и фактически управлявшееся Японией на оккупированной территории Маньчжурии (1932–1945 гг.) [Crawford, 2007, p. 65–89; Caspersen, 2012, p. 28–29]. Вопрос независимости практически неизбежно ставится перед непризнанными и частично признанными государствами, само уязвимое положение которых

подталкивает к поиску источников внешней поддержки. Соответственно, основной вопрос в том, в какой мере такая поддержка допустима.

В наши дни здесь, к сожалению, не представляется возможным выявить хоть сколько-то последовательный правовой подход. Например, встречается критика с данной позиции кавказских республик Абхазия и Южная Осетия [Unrecognized..., 2011, p. 51–53]. Их тесные отношения с Россией характеризуются, например, значительной материальной и административной поддержкой, гармонизацией правовых систем [Caspersen, 2012, p. 56; Проблемы..., 2018, с. 37]. Схожим образом критикуются и отношения ТРСК и Турции, которые характеризуются зависимостью от турецкой военной и экономической поддержки и общей направленностью экономической политики в основных вопросах. При этом в целом признается, что такие явления политической кооперации, как создание военных баз и даже существенное делегирование публичных функций, не являются необычными для международной жизни и не могут сами по себе говорить об отказе от претензий на суверенитет или о подмене самостоятельной публичной власти другим субъектом [Crawford, 2007, p. 70]. С этим ярко контрастирует, например, широкое признание Боснии и Герцеговины (член ООН), чье политическое существование в литературе часто ассоциируют с несостоятельностью внутренней системы власти, ориентированной на практические неограниченное внешнее управление со стороны стран европейского блока [Пономарева, 2011, с. 69; The Law..., 2015, p. 281–290]. Очевидно, что оценка данного критерия с точки зрения международного права требует особой тщательности и объективности.

Немалое практическое значение имеет *способность вступать в отно-*

шения с государствами. В то же время определение правосубъектности территориального образования через данный критерий едва ли имеет смысл, ведь сама возможность формального сотрудничества с государствами обуславливается признанием с их стороны, а не наоборот [Caspersen, 2012, р. 13–14]. Тем самым можно говорить о таком взаимодействии как следствии и возможном индикаторе эффективной публичной власти, нежели как о юридическом критерии [Crawford, 2007, р. 61–62, 93]. Более того, на деле государства нередко поддерживают с непризнанными и частично признанными образованиями отношения, едва ли отличающиеся от межгосударственных, избегая при этом их *de jure* признания [Geldenhuys, 2009]. Та же КНДР сформировалась как признанное государство, будучи практически отрезанной от мира. Более того, встречается мнение, что в наши дни такое сотрудничество более не является исключительной прерогативой государств [Rynjaert, 2016].

Наконец, в современный период наблюдается тенденция дополнять имеющиеся критерии государственности рядом дополнительных, исходящих из современных, представлений о легитимности публичной власти. Как считает Дж. Кроуфорд, такие дополнительные критерии могут приниматься во внимание, но лишь в особых случаях: в большинстве ситуаций приоритет сохраняется за общепринятыми критериями, исходящими из принципа эффективности территориальных образований [Crawford, 2007, р. 46]. Например, не находит реальной поддержки в международном праве и в известной мере субъективный аргумент о недостаточной демократичности публичной власти в непризнанных субъектах [Crawford, 2007, р. 150–155]. Неготовность или неспособность тер-

риториального образования соблюдать международное право является личной прерогативой субъекта (как, например, выход КНДР из режима ядерного нераспространения), а потому также представляет собой спорный ориентир. Тем не менее такой отказ может быть полезен в качестве индикатора несостоятельности публичной власти при учете других значимых факторов [Crawford, 2007, р. 91–92].

Закключение

Подводя черту, следует констатировать, что государство сохраняет статус центрального субъекта международного права, избегая решения ряда фундаментальных вопросов своего возникновения и существования. В отсутствие (если не невозможности) единого подхода к тому, когда можно говорить о складывании государства, заключается неизбежная ирония самого положения международного права как первой и единственной системы, претендующей на универсальность. В этом же состоит и сложность положения непризнанных и частично признанных образований. Этот пробел едва ли полностью преодолим: необходимо помнить, что интерес в стабильности и транспарентности международного порядка, который является ключевым мотивом для разработки четких международно-правовых стандартов, – лишь один из многообразия стимулов, которыми государства руководствуются в их сложной политической жизни. Тем не менее на современном этапе, при всей противоречивости практики и несостоятельности отдельных заявляемых критических доводов, можно сделать вывод о том, что фундамент для последовательного подхода к оценке правосубъектности территориальных образований, претендующих на самостоятельную государственность, уже заложен.

Таким образом, нельзя исключать, что наблюдаемый сейчас разрыв между международным правом и политическим усмотрением государств продолжит сокращаться в пользу складывания и укрепления юридически определенного международного правопорядка.

Список литературы

Заяц Д. Феномен непризнанных государств в современном мире // Географическая среда и живые системы. – 2020. – № 1. – С. 53–69. – DOI: 10.18384/2712-7621-2020-1-53-69.

Исполинов А. Принцип территориальной целостности государств и право на защитную сецессию // Сравнительное конституционное обозрение. – 2023. – № 1 (152). – С. 72–94. – DOI: 10.21128/1812-7126-2023-1-72-94.

Меден Н.К. Самопровозглашенные государства постсоветского пространства (по страницам немецких публикаций) // Россия и современный мир. – 2017. – № 1 (94). – С. 218–229.

Пономарева Е. Г. Босния и Герцеговина: государство без государственности // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 1. – С. 63–76.

Проблемы формирования и функционирования правовых систем непризнанных государств / Толстых В.Л., Григорян М.А., Коваленко Т.С., Халабуденко О.А. // Российский юридический журнал. – 2018. – № 3. – С. 36–44.

Толстых В.Л. Признание и непризнанные государства в начале XXI в. // Российский юридический журнал. – 2020. – № 5. – С. 135–151. – DOI: 10.34076/2071-3797-2020-5-135-151.

Caspersen N. Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System. – [S. l.] : John Wiley & Sons, 2012. – 224 p.

Cassese A. International Law. – 2nd edition. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 558 p.

Crawford J. The Creation of States in International Law. – 2nd edition. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 870 p.

Geldenhuis D. Contested States in World Politics. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2009. – 295 p.

Pegg S. De Facto States in the International System. – Vancouver : Institute of International Relations, University of British Columbia, 1998. – 26 p.

Pegg S. International Society and the De Facto State. – London : Routledge, 2019. – 326 p.

Riegl M. Prospects and Limits of Economic Development of Unrecognized States: Between Organized Hypocrisy and Private Interests // European Scientific Journal. – 2014. – Vol. 10, N 4. – P. 17–35.

Ryngaert C. Non-State Actors: Carving Out a Space in a State-Centred International Legal System // Netherlands International Law Review. – 2016. – Vol. 63. – P. 183–195. – DOI: 10.1007/s40802-016-0062-1.

Starke J.G., Introduction to International Law. – 7th edition. – London : Butterworths, 1972. – 631 p.

The Fundamental Rules of the International Legal Order: Jus Cogens and Obligations Erga Omnes / Ed. by C. Tomuschat, J.-M. Thouvenin. – Leiden : Brill, 2006. – 471 p.

The Law and Politics of the Kosovo Advisory Opinion / Ed. by M. Milanovic, M. Wood. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – 550 p.

Unrecognized States in the International System / Ed. by N. Caspersen, G.R.V. Stansfield. – London : Routledge, 2011. – 272 p.

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.02

Unrecognized and Partially Recognized Entities Through the Prism of the Concept of the State in International Law

Oleg R. KONDRASHOV

PhD Student of the Doctorate School of Law
National Research University Higher School of Economics
Myasnitckaya Street, 20, Moscow, Russian Federation, 101000
E-mail: okpm@mail.ru
ORCID: 0009-0001-2212-8019

CITATION: Kondrashov O.R. (2025). Unrecognized and Partially Recognized Entities Through the Prism of the Concept of the State in International Law. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 4, pp. 25–36 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.02

Received: 03.06.2024.

Revised: 17.04.2025.

ABSTRACT. *The so-called unrecognized and partially recognized States retain their status as a “grey area” of international law. In the view of the current trends in international law, and the objective reality manifest in the growing number of international ties with such entities, international law still struggles to comprehend and account for this phenomenon. This lag is characterized by the existence of a wide range of de facto legal relations that are not clearly regulated by international law, which includes bilateral and multilateral cooperation of various forms, including the treaty-based. The article discusses the defining aspects of the peripheral existence of such entities in the international system: difficulties in the economic sphere, from the point of view of ethics and human rights, combined with high political sensitivity of the issue. The author notes inconsistencies arising from the position of generally recognized criteria of the State, namely the notion of the effectiveness of territorial power as a central and distinc-*

tive characteristic of the State in the concept that was summarized by J. Crawford. The author concludes that it is promising for international lawyers to further study this phenomenon and to develop legally defined approaches and criteria with due attention to the balance of fundamental international legal principles and values.

KEYWORDS: *unrecognized States, partially recognized States, international legal personality, criteria of statehood, recognition, effectiveness, sovereignty, international integration.*

References

- Caspersen N. (2012). *Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System*. S. l.: John Wiley & Sons, 224 pp.
- Cassese A. (2005). *International Law*. 2nd edition. Oxford: Oxford University Press, 558 pp.

Crawford J. (2007). *The Creation of States in International Law*. 2nd edition. Oxford: Oxford University Press, 870 pp.

Geldenhuis D. (2009). *Contested States in World Politics*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 295 pp.

Ispolinov A. (2023). The principle of territorial integrity of states and the right to a protective secession. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. No. 1 (152), pp. 72–94 (in Russian). DOI: 10.21128/1812-7126-2023-1-72-94.

Meden N.K. (2017). Self-proclaimed states of the post-Soviet space (on the pages of German publications)]. *Rossiia i sovremennyy mir*. No. 1 (94), pp. 218–229 (in Russian).

Pegg S. (1998). *De Facto States in the International System*. Vancouver: Institute of International Relations, University of British Columbia, 1998. 26 pp.

Pegg S. (2019). *International Society and the De Facto State*. London: Routledge, 326 pp.

Ponomareva E. (2011). Bosnia and Herzegovina: State without Statehood. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 1, pp. 63–76 (in Russian).

Problemi... (2018). Tolstykh V.L., Grigoryan M.A., Kovalenko T.S., Khala-budenko O.A. Problems of formation and functioning of legal systems of unrecognized states. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. No. 3, pp. 36–44 (in Russian).

Riegl M. (2014). Prospects and Limits of Economic Development of Unrecog-

nized States: Between Organized Hypocrisy and Private Interests. *European Scientific Journal*. Vol. 10, no. 4, pp. 17–35.

Ryngaert C. (2016). Non-State Actors: Carving Out a Space in a State-Centred International Legal System. *Netherlands International Law Review*. Vol. 63, pp. 183–195. DOI: 10.1007/s40802-016-0062-1.

Starke J.G. (1972). *Introduction to International Law*. 7th edition. London: Buttersworths, 631 pp.

The Fundamental Rules... (2006). Tomuschat C., Thouvenin J.-M. (eds.). *The Fundamental Rules of the International Legal Order: Jus Cogens and Obligations Erga Omnes*. Leiden: Brill, 471 pp.

The Law... (2015). Milanovic M., Wood M. (eds.). *The Law and Politics of the Kosovo Advisory Opinion*. Oxford: Oxford University Press, 550 pp.

Tolstykh V. (2020). Recognition and non-recognized states at the beginning of the XXI century. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. No. 5, pp. 135–151 (in Russian). DOI: 10.34076/2071-3797-2020-5-135-151.

Unrecognized... (2011). Caspersen N., Stansfield G.R.V. (eds.). *Unrecognized States in the International System*. London: Routledge, 272 pp.

Zayats D. (2020). The phenomenon of unrecognized states in the modern world. *Geographical Environment and Living Systems*. No. 1, pp. 53–69 (in Russian). DOI: 10.18384/2712-7621-2020-1-53-69.